

ИГРЫ ЛИЛИПУТОВ В СТРАНЕ ГУЛЛИВЕРА

Вчера на Новодевичьем кладбище открыли памятник Олегу Ефремову в день его рождения. Красивый памятник достойному человеку. Но, похоже, наряду с этим во МХАТе занялись крушением кумиров. Не так давно в одной из газет была опубликована статья, в которой в деталях рассказывалось, как Ефремов пил: где, в каком количестве, с кем и каким образом под воздействием алкоголя обращался с женщинами. В этой публикации не было бы ничего примечательного, если бы она была продуктом желтой прессы. Но желтая пресса рядом с этими открытиями отдыхает. Авторство принадлежит помощнику Ефремова, его правой руке и, можно сказать, серому кардиналу МХАТа — критику Анатолию Смелянскому. Появление этой публикации прямо-таки взорвало театральный мир, и многие из поколения шестидесятников не подадут ему руки. Мы публикуем письмо, подписанное двумя драматургами, с которыми долго работал Олег Ефремов, — Михаилом Роциным и Михаилом Шатровым.

АРТЕМ МАКЕЕВ

Как можно судить и пересказывать по сути сплетни, на потребу обывательского спроса выдавать компромат на человека, который всего полтора года как ушел от нас и не может сам ответить на вещи личные, интимные, касающиеся лишь его самого.

О мертвых или хорошо, или ничего — говорит латынь. Сия мудрость нам не дана: мы привыкли тащить своих мертвецов по мавзолеям и погостам в хвост и в гриву. Что мертвые для папарацци, для охотников за сенсациями! Но как профессору, исторiku, ближайшему многолетнему помощнику О.Н.Ефремова по театру уподобляться им и выходить на публику со своими открытиями. Дела клановые, профессиональные, почти семейные и обсуждать бы нечего. Зачем? Кому это нужно? Кто знает — для того это не новость, а кто не знает — тому, может быть, и не надо знать.

Скандал в театральном семействе

Не будем разбираться в подробностях. Ефремов был особой, особенной личностью, человеком крупным и мощным, Гулливером — зачем же к нему с лилипутскими мерками и судом? Думается, прежние историки МХАТа П.А.Марков и В.Я.Виленкин, бывшие не только мозгом, но и совестью театра, не акцентировали, не выпирали того, чем грешили и прежние мхатовские "старики", — не за то их помнят и славят.

Ефремов был свободным человеком, обладал пушкинской страстью к вольности и непокорством. Он был смел и прям в достижении цели, в работе, в отношениях с людьми. И ни в каких "разгуляньях" не бывал наглцом или хамом, хулиганом или пошляком. Он работал как вол, он пер как танк, всем известно. И пил он, как всякий русский человек пьет: от напряжения, от обиды, от неумения по-иному расслабиться. И это было его личное дело. Смелость и отвага, свобода имеют свою оборотную сторону — одиночество и отчаяние.

Провести много лет подле Ефремова — и так о нем написать! Получается прямо по Станиславу Ежи Лецу: "Хуже нет, когда жизнь прожита с одними, а отчитываться приходится перед другими". Факт и акт публикации статьи оскорбляет, на наш взгляд, память о нем. Хочется вернуть А.Смелянскому его же слова, которыми заканчивается серия статей в "Известиях": "никакое иное слово не имеет столько значений в театральном словаре, как слово "предательство". *независимая газ.*

Но первоначальный смысл однозначен, Анатолий Миронович!... *2001.- Окт.-С.З.*
20 сентября 2001 г.

**Михаил Роцин,
Михаил Шатров.**

Из этого письма следует, что поколение шестидесятников, которое никогда не было однородным, окончательно раскололось на совестливых художников и просвещенных циников — самую страшную разновидность, какую себе только можно представить. Приступ дурной правды, который овладел Смелянским, продиктован не состраданием к больному человеку, а конъюнктурными соображениями: все-таки во МХАТ пришел новый руководитель. После разоблачительной правды ефремовского помощника всем худрукам стоит серьезно опасаться — не появится ли через несколько лет подробное описание их личной жизни, сексуальных связей или каких других дурных пристрастий в исполнении их ближайшего окружения.